

УДК 94(47) + 070(09)(47)
1(470) (091)
DOI 10.52452/19931778_2022_5_14

ДОСТОЕВСКИЙ В ПРОТИВОСТОЯНИИ РУССКИМ ЛИБЕРАЛАМ (1860-е — начало 1870-х гг.)

© 2022 г.

В.А. Китаев

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

vlakit2@mail.ru

Поступила в редакцию 06.10.2022

Выявляется главная тематическая линия в борьбе Достоевского против русского либерализма на страницах журнала «Время», романов «Идиот» и «Бесы». Характеризуются особенности логики и полемических приемов, использовавшихся писателем.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, «Идиот», «Бесы», М.Н. Катков, «Русский вестник», И.С. Тургенев, «Дым», либерализм, западничество.

Автор этой статьи уже делал попытку исследовать отношение Достоевского к идеологии либерализма и ее носителям в России [1]. Но этот первый опыт обращения к теме имел свои хронологические ограничения. Речь шла только о времени издания «Дневника писателя» (1876–1881 гг.). Здесь же будет анализироваться содержание предшествующего, первого по сути этапа в борьбе Достоевского со своими противниками. С либеральной стороны выступают в данном случае М.Н. Катков и И.С. Тургенев. Эти фигуры не нуждаются в специальном представлении. Именно они оказались на первой линии противостояния Достоевского силам либерализма на хронологическом отрезке от начала издания журнала «Время» до появления в «Русском вестнике» романа «Бесы».

В 1857 г. закончился каторжно-ссылный период в биографии Достоевского. Весной этого года ему было возвращено потомственное дворянство и право печататься. Но возвращение в литературу могло состояться только при участии «толстого» журнала. Вот почему он так пристально, и даже придирчиво, вглядывается в это время в расстановку журнальных сил, стараясь выбрать для прорыва к читателю наиболее авторитетный, востребованный читателями литературный орган. Его внимание все более и более притягивает журнал М.Н. Каткова и П.М. Леонтьева «Русский вестник», основанный в 1856 г. Для него это – «бесспорно первый журнал в настоящее время». Достоевский пока равнодушен к общественно-политическому направлению журнала и особенностям его программы. Не помешали некоторому сближению с Катковым их глубокие расхождения в понимании места Пушкина в русской литературе. Од-

нако напечататься в журнале Каткова в конце 1850-х годов Достоевскому так и не удалось.

Период расположенности к «Русскому вестнику» продлился недолго. Два важных факта биографии Достоевского-мыслителя и публициста подвели под ним черту: отвердение к концу 50-х годов почвенничества как доктринального основания его идейной позиции, и принятие новой для себя роли публициста в журнале «Время» (1861 – апрель 1863 г.). Здесь он будет активнейшим образом пропагандировать принятое «учение» и участвовать в журнальной борьбе первых пореформенных лет. В этом новом для себя амплу Достоевский неминуемо выходил на открытое столкновение с «Русским вестником». Либерализм этого издания, о котором во второй половине 50-х годов не было произнесено ни слова, оказывался, наконец, под прицелом Достоевского. Уже летом 1861 г. он определял характер отношений с этим журналом как «баталию».

С первого номера «Времени» (январь 1861 г.) началось печатание «Ряда статей о русской литературе» Достоевского. Во «Введении» к этому циклу писатель представил свое видение того, чем отметился «Русский вестник» в общественно-литературной жизни предреформенных лет. На первое место здесь была поставлена публикация в журнале «Губернских очерков» М.Е. Салтыкова-Щедрина. Заметим, что при всех своих художественных особенностях это произведение может и должно рассматриваться в контексте популярной в середине 50-х годов обличительной литературы. Эта связь была очевидна и для Достоевского. Не случайно вслед за автором «Очерков» бы упомянут видный публицист «Русского вестника», один из зачинате-

лей обличительной литературы С.С. Громека с его «густым и солидным голосом». Не без симпатии к этому литературному направлению Достоевский указывал на то, что оно дало большое число поэтов и прозаиков, которые «никогда бы не явились на свет, если бы не было обличительной литературы». Благодаря ей «разлилась как море благодетельная гласность» [2, т. 18, с. 60].

Но Достоевский не ограничился только признанием общественных заслуг «Русского вестника». Не без некоторой иронии (и даже ехидства) он тут же отмечал, что на рост числа его подписчиков никак не повлияло одно обстоятельство – то, что «почтенный журнал уж и тогда начал толковать о Кавуре, об английских лордах и фермерстве» [там же]. Достоевский прозрачно намекал на очевидный для него, серьезный дефект в позиции либерального органа – его англизированное западничество.

На протяжении 1861 года Достоевский не раз продемонстрирует неоднозначность (двойственность) в оценках «Русского вестника» совсем недавней поры. Ее нетрудно обнаружить в статьях, прямо нацеленных против журнала. Это – «“Свисток” и “Русский вестник”» («Время», 1861, № 3) и «Ответ “Русскому вестнику”» («Время», 1861, № 5). Обратимся к этим оценкам.

«“Русский вестник”, – писал он в первой из них, – <...> учил нас неутомимо; он толковал и о судах, и о присяжных, и о тюрьмах, и об общине, и о полиции; даже приятно было слушать со стороны». Отдельного упоминания удостоился опять-таки С.С. Громека, чьи статьи Достоевский читал «с надеждами и удовольствием». «Но всё этим и кончилось, что мы слушали со стороны, – резюмировал писатель. – Ваши споры, задоры, ваша диалектика, ваша полемика оставалась для нас одной книгой, а потому и отзывалась чем-то книжным, а не живым. Как будто и под вами не было настоящей почвы, как будто и вы в настоящую жизнь не вошли. И всё более и более от вас веяло таким ораторством, пальмерстонством, кавурством ...» [2, т. 19, с. 108].

Характеристику катковского журнала во второй из названных нами статей Достоевский начал, что называется, «за здравие». Он признавался в «радости и надеждах», которые он порождает в русском обществе пять лет тому назад. Впрочем, и теперь «по некоторым отделам» «Русский вестник» оставался, на взгляд писателя, «одним из самых лучших журналов». Тут тональность оценок решительно менялась. «Но время проходило, – говорилось далее, – и нам все более и более стало не нравится направление его. В нем все более проявлялась какая-то ограниченная самонадеянность, безграничное самодовольство, жажда воскурений и

поклонений» [с. 121]. Достоевский вспомнил здесь приглянувшееся ему слово «кавурство» и объяснил вкладывавшийся в него смысл. «Слово *кавурство* тут вовсе не означало Кавура, – писал он. – Этим названием мы хотели только выразить это мелкое самоупоение, эту кичливость, юпитерское величие, детскую раздражительность» [там же].

Дистанция между Достоевским и «Русским вестником» становилась все значительнее не только по причине беспочвенности, как ему казалось, идеологии журнала и антипатичности позиционирования Катковым себя в журнальном сообществе. Имелся еще один серьезный пункт расхождений – отношение к левому флангу общественного движения.

Как известно, в либерализме Каткова с самого начала 1861 г. четко обозначилась новая черта – редактор «Русского вестника» повернул к охранительству, начав энергичное наступление на идейные позиции демократического радикализма, т.е. «партии» «Современника». Приверженцы атеизма, социализма и революции фигурировали в разоблачительной публицистике Каткова начала 60-х годов не только как «нигилисты». Они присутствовали здесь и в качестве «свистунов». Это обозначение восходит, как известно, к «Свистку» – названию сатирического приложения к журналу Чернышевского и Добролюбова.

Тема «свистунов» была подхвачена Достоевским. Но его позиция поначалу радикально противостояла здесь взглядам «охранителя» Каткова. Для писателя оказалась пока органичнее и ближе роль защитника русских радикалов. Он находил в их рядах немало людей с «честными убеждениями». Катков же на протяжении 1861–1863 гг. не раз публично уличался Достоевским в «булгаринстве».

Политические реалии России 1862–1863 гг. отрезвили писателя. Под впечатлением от них он перенастроился в своем отношении к радикальной «партии». Период издания журнала «Эпоха» (1864–1865 гг.) ознаменовался острой полемикой Достоевского с обновленным «Современником» и М.Е. Салтыковым-Щедриным. Нельзя тут же не обратить внимания на метаморфозу в его представлениях об общественной роли либерала Каткова.

Она произошла уже к концу 1862 г. и явственно запечатлелась в статье «Щекотливый вопрос» («Время», 1862, № 10). Здесь полемика Достоевского с Катковым, как справедливо замечает ее комментатор в Полном собрании сочинений А.И. Батюто, «достигает кульминационной точки» [2, т. 20, с. 278].

В этом выступлении Достоевский отталкивался от статьи «Кто виноват?» в либеральной газете «Современное слово» (1862, № 99–102), анонимный автор которой обвинял Каткова в порождении и распространении нигилизма в России. Писатель заявил о своей готовности поддержать «презабавный» вывод о том, что он-то и был «родоначальником всех наших злокачественных увлечений», что он «начал первый» и «расплодил последних» (т.е. нигилистов. – В.К.), а потому является «главным преступником». Эта версия «процесса Каткова» показалась ему «чрезвычайно ясной, удовлетворительной, изобличительной и поразительной» [с. 32]. Достоевского ничуть не смутил ряд сомнительных моментов в антикатковском компромате. Попытался он только оспорить ярлык «первоначальный виновник» в отношении Каткова. Несомненная же причастность редактора «Русского вестника» к прорастанию нигилизма на русской почве лучше описывалась, по его мнению, не словом «вина», а словом «зло» [с. 34].

«Донос» на Каткова в «Современном слове» был морально оправдан тем, что адресовался не «специалистам», а «публике». Этим открывалась возможность публичного самооправдания для пострадавшего. Достоевский и дал слово «издателю журнала» во второй, памфлетной части своей статьи. В «магнетическом сне» автора Катков держал речь перед большим собранием из представителей разных общественных сил. Трансформация самооправдания «оратора» в разоблачение, дискредитацию собственных взглядов – вот прием, который здесь блестяще использовал Достоевский.

Разумеется, тема англomanии заняла в речи «оратора» значительное место. Дадим ему слово. «Я ввел английские начала. <...> английские начала для нас тем хороши, что тут и то, и другое, и третье, и парламент, и пресса, и присяжные и т.д., и т.д., а тогда, с непривычки всё это было как-то особенно соблазнительно, всем этим бредили, начинали с азов; я очень хорошо знал, до чего дойдут. <...> но как же было не воспользоваться случаем? К тому же английские начала – это для нас, не совсем приготовленных (то есть я, разумеется, говорю о публике; я-то приготовлен), ну-с, это для нас есть до такой степени что-то неуловимое, растяжимое – и свободой пахнет, и аристократическим элементам льстит, – до такой степени способное, в крайнем случае (то есть когда припрут к стене), к переливанию из пустого в порожнее, что невозможно было упустить случай и не схватиться за них. Наконец, и то, что эти начала способны вполне отвлечь общество от начала народного, национального, а я его терпеть не

могу (браво, браво, yes, yes!). Скажу более: я ненавижу его» [с. 40–41].

Памфлетист заставил «оратора» признать поверхностность, неустойчивость англофильства. «Я очень хорошо знал – прозвучало в речи, – что английская складка у нас в Москве, когда доходит до дела, исчезает тотчас же и безвозвратно». И ее «невинность» нисколько не развращала общество [с. 41–42].

Достоевский дал возможность Каткову заявить и о своем неприятии крайностей англomanии. Признание редактора «Русского вестника» в том, что он остановился в этом увлечении «на известном пункте» [с. 40], вполне может быть прочитано как указание на его отказ от идеи парламентаризма. Дистанцирование катковского журнала от этого института является хорошо известным фактом. Ссылаясь на «Современное слово», писатель утверждает, что в случае с Катковым дело не обошлось соблазнением «всего поколения и всей молодежи развратной картиной английских начал». Выполнив эту задачу, он «начал проповедовать и московские думы» [с. 33]. Рискнем высказать предположение, что автор «Щекотливого вопроса» имел здесь в виду явную симпатию Каткова тому «конституционализму», который заявил о себе в начале 1862 г. в московском дворянском собрании.

В шаржированном изображении Каткова хорошо проглядывало не только неприятие Достоевским его англофильства. Писателя отталкивала и готовность редактора «Русского вестника» к смене социальной роли: начинал в середине 50-х годов как либеральный обличитель, а сейчас выступает в амплу гонителя революционной молодежи. «Оратор» Катков под пером Достоевского пытался убедить аудиторию в допустимости такого разворота. Он не отрицал тех изменений, которые произошли в его политических взглядах. Но тут же говорил о праве на «свободу перемены их», и эта свобода, считал он, не может быть «поставлена в порок» [с. 48].

Так как же отвечал памфлетный Катков на обвинения сначала в порче молодежи, а затем и в преследовании ее? «Я не пощадил юношей, говорят мне, – читаем в статье. – <...> Они и без наших возбуждений и развращений всё видят и понимают насквозь» [с. 44]. Пропаганда же английских начал не имела своей целью «развращение общества и особенно юной части его». «Я желал поклонения», – откровенничал Катков [с. 39]. А сегодняшнее преследование своих же последователей стало способом «заявить мое раскаяние, заявить поворот в моих убеждениях». «Преследую зло – значит, ненавижу его; преследую моих же последователей – значит, преследую самого себя за прежнюю деятельность» [с. 35].

Либеральная тема, наконец, заявила о себе и в художественном творчестве Достоевского. Буквально вслед за «Щекотливым вопросом», в ноябрьском номере «Времени» был напечатан его рассказ «Скверный анекдот». Главный герой этого произведения – сравнительно молодой действительный статский советник («генерал») Иван Ильич Пралинский. Он с порога характеризуется автором как «большой говорун», любящий «принимать парламентские позы». Россия кануна реформ подала «ему вдруг большие надежды»: Иван Ильич «начал говорить красноречиво и много», «во многих местах успел прослыть отчаянным либералом» [2, т. 5, с. 7–8]. «Гуманность», по его убеждению, должна была послужить краеугольным камнем предстоящих реформ» [с. 8–9], но он не собирался углубляться в детали надвигающихся преобразований. В финале Пралинский называет народ «подлецом» и троекратно требует «строгости». В.Я. Кирпотин, кстати, хорошо показал, как использованные в рассказе неожиданные художественные приемы, сработали на развенчание либерализма и либералов в России [3].

А Достоевский-публицист не остановился в преследовании своего главного идейного противника. В «Журнальной заметке о новых литературных органах и новых теориях» («Время», 1863, № 1) он еще раз обрушился на англоманию «Русского вестника», отказав ей в какой-либо практичности. «Доктринерский» журнал только и делал, что тормозил реальное развитие самостоятельности в русском обществе, принуждая его уповать на «английские начала». «А между тем, по нашему, скорей систему Фурье можно у нас ввести, чем идеалы г-на Каткова, теймствующего в Москве, – говорилось в статье. – Чем виноваты мы, что ему мерещится поклонение лордам, раздробление собственности на личном начале, вместо нашего дворянства маркизы и лорды а l'anglais (на английский лад – *франц.*), образование, принимаемое как привилегия аристократии, увеличение платы студентов и проч., и проч.» [2, т. 20, с. 65]. Катков уподоблялся здесь «петуху», а вторящие ему газеты и журналы – «кудактающему» «стаду куриц».

Это высказывание оказалось последним публичным выпадом Достоевского против Каткова. Еще до закрытия «Времени» (май 1863 г.) редактор «Русского вестника», ставший с начала этого года и во главе газеты «Московские ведомости», успел резко повысить свой политический вес. Это произошло в связи с польским восстанием, по отношению к которому ежедневная газета Каткова с самого первого дня заняла позицию непримиримой вражды к вос-

ставшим и защиты государственной целостности России [4]. Катков в облинии проводника идеи государственной целостности и национального единства был уже явно неподходящей мишенью для продолжения журнальной войны с ним. К ней не располагала и общественно-политическая ситуация в целом. Да и своей журнальной трибуны у Достоевского не было до начала «Эпохи». А во втором журнале братьев Достоевских (1864–1865 гг.) писатель, по наблюдению В.С. Нечаевой, уже ни словом не обмолвился о Каткове. Только Н.Н. Страхов позволял себе иногда упреки «Московским ведомостям» и «Русскому вестнику» [5].

Но инерция недавнего противостояния Каткову все же продолжала жить и отразилась она в записных книжках и записных тетрадах Достоевского 1863–1865 гг. Приведем некоторые характеристики, которые давал писатель своему антагонисту в этот период.

Следует отметить, что Достоевский ставит «Московские ведомости» все-таки выше петербургских газет, которые «либеральничают против г-на Каткова» [2, т. 20, с. 170]. Но при всем том видит в их редакторе всего лишь «государственного человека», а в его патриотизме не находит «разницы между нашим официализмом и русскими основными народными силами» [там же]. Да и не в Каткове, при всей его значимости, – считает он, – «совокупилась русская красота» [с. 178]. Не обнаруживается в нем и «нравственной приманки» [с. 195]. Ближе к середине 60-х годов Достоевский запишет: «Но я вовсе не признаю за авторитет г-на Каткова» [с. 202].

Но именно в середине 60-х годов отношение Достоевского к Каткову разительно меняется. Между еще недавно враждовавшими сторонами устанавливаются прямые контакты. «Я верил всегда, что Вы человек благородный <...> Я искренно желаю сотрудничать в «Р<усском> В<естнике>», – пишет Достоевский Каткову в декабре 1865 г. [2, т. 28, кн. 2, с. 145–146]. Вот еще одно важное признание из письма редактору «Русского вестника» от 11 июля 1866 г.: «Вам, как судье литературному, я вполне верю» [с. 167]. «Как частный же человек это наиболее благороднейший человек в свете», – говорилось в письме А.П. Суловой 23 апреля (5 мая) 1867 г. [с. 183].

В 1866 г. состоялся, наконец, дебют Достоевского-писателя в «Русском вестнике». С января по декабрь (в восьми номерах) здесь печатался роман «Преступление и наказание». За ним последовала публикация «Идиота» (1868, № 1, 2, 4–12). Писатель становился «своим» в журнале Каткова. Это вхождение только укрепило его симпатию к редакции еще недавно

враждебного органа. «Решительно лучший и твердо сознающий новое направление журнал у нас в России», – так характеризовался он в письме С.И. Ивановой 8(20) марта 1869 г. [2, т. 29, кн. 1, с. 23]. А вот признание из письма А.Н. Майкову от 25 марта (6 апреля) 1870 г.: «Один «Русский вестник» меня не стеснял. Благодарнейшие люди!» [с. 119].

Так что же имел в виду Достоевский, указывая на «новое» направление «Русского вестника»? Скорее всего, он отмечал завершение движения Каткова с его изданиями от охранительного либерализма с элементами англофильства и дворянского конституционализма к абсолютной, облаченной в национализм лояльности самодержавию. Эта эволюция уложилась в первое пореформенное десятилетие. И ее результат не мог не быть принятым писателем.

* * *

Одним из самых значительных событий общественно-литературной жизни начала 60-х годов стала публикация романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» («Русский вестник», 1862, № 2). Достоевский чрезвычайно высоко оценил это произведение и образ главного героя Евгения Базарова. Роман удостоился сравнения с «Мертвыми душами» Гоголя. Базаров – «прекрасный тип», в этом «беспокойном и тоскующем» герое проглядывало «великое сердце», «несмотря на весь его нигилизм» [6]. Эти оценки были известны Тургеневу.

Достоевский настойчиво приглашал Тургенева печататься во «Времени» и «Эпохе». Писатели неоднократно виделись в сентябре 1863 г. в Баден-Бадене. Во время этих встреч Тургенев, по словам Достоевского, открывал «все свои нравственные муки и сомнения» [2, т. 28, кн. 2, с. 45]. Правда, в своей исповедальности Тургенев показался собеседнику «отчасти фатом». Тургеневские «Призраки» были, наконец, напечатаны в журнале «Эпоха» (1864, № 1–2).

Атмосфера взаиморасположения, в которой развивались отношения между писателями, мгновенно рассеялась, как только Достоевский прочитал роман Тургенева «Дым». Он был напечатан в мартовском номере «Русского вестника» за 1867 г. Знакомство с этим произведением (сам Тургенев называл его «повестью») вызвало у Достоевского прилив сильнейшего негодования. Это и понятно. Либерально-западнические (в чем-то даже утрированные) декларации, «любовь-ненависть» к России одного из персонажей «Дыма» Созонта Потугина были принципиально неприемлемы для почвенника Достоевского. Он, как многие современники и позднейшие тургеневеды, угадывал в этом образе alter ego автора. Объяснение между Тургеневым и Достоевским по пово-

ду «Дыма», переросшее в глубокую ссору, произошло в Баден-Бадене 28 июня (10 июля) 1867 г. [7]. В письме А.Н. Майкову (16 (28) августа 1867 г.) из Женевы Достоевский набросал картину этой встречи. Это – единственное свидетельство о содержании разговора, который на ней состоялся.

«Он сам говорил мне, – сообщает Достоевский, – что основная точка его книги состоит в фразе: «Если б провалилась Россия, то *не было бы* никакого ни убытка, никакого волнения в человечестве». Он объявил мне, что это его основное убеждение о России» [2, т. 28, кн. 2, с. 210]. Так передавалось одно из высказываний Потугина, которое необходимо привести. «<...> Если бы такой вышел приказ, – говорит он, – что вместе с исчезновением какого-либо народа с лица земли немедленно должно было бы исчезнуть из Хрустального дворца все то, что тот народ выдумал, – наша матушка Русь православная, провалиться бы могла тартарары, и ни одного гвоздика, ни одной булабочки не потревожила бы, родная: все бы преспокойно осталось на своем месте, потому что даже самовар, и лапти, и дуга, и кнут – эти наши знаменитые продукты – не нами выдуманы» [8, т. 7, с. 326].

«Ругал он Россию и русских безобразно, ужасно, – продолжал делиться своими впечатлениями от встречи Достоевский. – Но вот что я заметил: все эти либералишки и прогрессисты, преимущественно школы еще Белинского, ругать Россию находят первым свои удовольствия и удовлетворением. Разница в том, что последователи Чернышевского просто ругают Россию и откровенно желают ей провалиться (преимущественно провалиться!). Эти же, отпрыски Белинского, прибавляют, что они *любят Россию*. А между тем не только всё, что есть в России чуть-чуть самобытного, им ненавистно, так что они его отрицают и тотчас же с наслаждением обращают в карикатуру <...>» [2, т. 28, кн. 2, с. 210]. И здесь Тургенев, в обрисовке своего оппонента, демонстрировал солидарность с Потугиным. А ему принадлежат такие слова: «<...> я и люблю и ненавижу свою Россию, свою странную, милую, скверную, дорогую родину» [8, т. 7, с. 276].

Тургенев, продолжает Достоевский, убеждал его, что «мы должны ползать перед немцами, что есть одна общая всем дорога и неминуемая – это цивилизация, и что все попытки русизма и самостоятельности – свинство и глупость» [2, т. 28, кн. 2, с. 211]. И в этом случае автор «Дыма» предстал в полном единении со своим героем. «<...> Я западник, – звучало со страниц романа, – я предан Европе; то есть, говоря точнее, я предан образованности, цивилизации, –

да, да, это слово еще лучше, – я люблю ее всем сердцем, и верю в нее, и другой веры у меня нет и не будет. Это слово: ци...ви...ли...зация <...>» [8, т. 7, с. 275]. Тут Достоевский порекомендовал западнику Тургеневу «выписать из Парижа телескоп». «Для чего? – спросил он. – Отсюда далеко, – отвечал я; – Вы наведите на Россию телескоп и рассматривайте нас, а то, право, разглядеть трудно. Он ужасно рассердился» [2, т. 28, кн. 2, с. 211].

Достоевский признавался Майкову, что со «злорадностью» описывает Тургенева, но находил оправдание избранной тональности в том, что слишком «оскорблен» его убеждениями: «нельзя же слушать такие ругательства на Россию от русского изменника, который бы мог быть полезен» [с. 212]. «Федю разговор с Тургеневым ужасно рассердил и взволновала эта подлая привычка людей отречься от родного», – записала в своем дневнике А.Г. Достоевская [9].

Достоевский не пошел на прямое публичное выступление против автора «Дыма». Но спор с Тургеневым, как нам представляется, был всё-таки продолжен, и запечатлелся он в романе «Идиот», печатавшемся в «Русском вестнике» на протяжении всего 1868 г. (№ 1, 2, 4–12). Кстати, даже в пору напряженной работы над ним Достоевского не отпускала тема Тургенева–идейного антагониста. В прямой связи с его фигурой в письме А.Н. Майкову от 21–22 марта (2–3 апреля) 1868 г. прозвучала реплика о «нашем несчастном, оторванном от почвы сословии умников», которое «не переделаешь» [2, т. 28, кн. 2, с. 280]. А читатели романа могли без особого труда убедиться в том, что полемический пыл Достоевского в отношении русских либералов, несмотря на прекращение публицистической деятельности, ничуть не остыл. В уста одного из персонажей этого произведения Евгения Павловича Радомского он вложил текст, в котором предлагалось заметно обновленное видение Достоевским проблемы либерализма в России.

Здесь не было привычной для журнальной борьбы начала 60-х годов апелляции к конкретным фактам и конкретным личностям. Автор вместе со своим персонажем выходил на широкое обобщение, старался постичь суть явления, формулировал исторический приговор. Без преувеличения, мы имеем дело с настоящим манифестом об отречении России от либерализма. Это и был, по нашему мнению, ответ Тургеневу – автору «Дыма». Комментаторы Академического собрания сочинений Достоевского почему-то не обратили внимания на этот момент содержательной связи между «Дымом» и «Идиотом».

Следует, конечно, учесть и то, что между Достоевским и Радомским может стоять еще одна фигура. Это – Н.Н. Страхов. По авторитетному мнению В.Я. Кирпотина, именно он, один из теоретиков почвенничества и сподвижник писателя периода «Времени» и «Эпохи», является прототипом Радомского [10]. Но даже если такое решение автора «Идиота» в действительности имело место, сложные личные взаимоотношения между ним и Страховым, не разрушали почти «полного» совпадения их взглядов. Таким образом, Радомский мог выступать проводником идей этой пары одновременно. Так что же ему доверил сказать автор?

«Либерализм не есть грех, это необходимая составная часть всего целого, которое без него распадется или замертвевает, – говорит герой Достоевского, – либерализм имеет такое же право существовать, как и самый благонравный консерватизм; но я на русский либерализм нападаю, и опять-таки повторяю, что за то, собственно и нападаю на него, что русский либерал не есть *русский* либерал, а есть *не русский* либерал. Дайте мне русского либерала, и я его сейчас же при вас поцелую» [2, т. 8, с. 275].

Нерусскости, вненародности либерализма в России Радомский находит объяснение в социальной природе его носителей. «... у нас до сих пор либералы были из двух слоев: прежнего помещичьего (упраздненного) и семинарского. А так как два сословия обратились наконец в совершенные касты, в нечто совершенно от нации особенное, и чем дальше, тем больше, от поколения к поколению, то, стало быть, и всё то, что они делали и делают, было совершенно не национальное... <...> Не национальное; хоть и по-русски, но не национальное; и либералы из нас не русские, и консерваторы не русские, всё... И будьте уверены, что нация ничего не признает из того, что сделано помещиками и семинаристами, ни теперь, ни после...» [с. 276]. В русскости отказывалось походя и литературе в России. Исключением стали только Ломоносов, Пушкин и Гоголь.

В России, оказывается, нет и не было ни одного «русского социалиста», потому что все они вышли из помещиков и семинаристов, да тому же находились в кровном родстве с либералами. «Все наши отъявленные, афишованные социалисты, как здешние, так и заграничные, больше ничего как либералы из помещиков времен крепостного права. <...> каждая страница их книг, брошюр, мемуаров написана прежде всего прежним русским помещиком. Их злоба, негодование, остроумие – помещичьи <...>» [с. 276–277].

Радомский подходил, наконец, к очень важному для него факту, открытие которого он

приписывал самому себе. Не ошибемся, если скажем, что и почвенник Достоевский мог разделить со своим героем это признание. «Ну, так факт мой состоит в том, – продолжал Радомский, – что русский либерализм не есть нападение на существующие порядки вещей, а есть нападение на самую сущность наших вещей, на самые вещи, а не на один только порядок, не на русские порядки, а на самую Россию. Мой либерал дошел до того, что отрицает самую Россию, то есть ненавидит и бьет свою мать. <...> он ненавидит народные обычаи, русскую историю, всё. <...> свою ненависть к России принимает за самый плодотворный либерализм. <...> Эту ненависть к России, еще не так давно, иные либералы наши принимали чуть не за истинную любовь к отечеству и хвалились тем, что видят лучше других, в чем она должна состоять; но теперь уже стали откровеннее <...>» [с. 277].

Для Радомского была очевидна уникальность только что представленного факта. Он не видел подобного «нигде и никогда, спокон веку и ни в одном народе». А из этого следовало, что «факт этот случайный и может пройти». «Такого не может быть либерала нигде, который бы самое отечество свое ненавидел». Этот феномен ненависти к своему объяснялся опять-таки тем, что «русский либерал есть покамест еще не русский либерал» [с. 278].

Оппонентов у антилиберала Радомского в романе не оказалось. К сожалению, в нашем распоряжении нет свидетельств того, как реагировал Катков на устроенные Достоевским похороны либерализма в России у себя в журнале. А ведь декларация Радомского лишала всякого смысла существование «Русского вестника» во второй половине 50-начале 60-х годов, редакторскую и публицистическую работу либерала Каткова в этот период.

«Бесы» («Русский вестник», 1871, № 1, 2, 4, 7–11; 1872, № 11,12) завершают этап «романной» борьбы Достоевского с Тургеневым и либеральным лагерем в России, начавшейся в «Идиоте». Автор «Бесов» приступал к работе над этим произведением, имея перед собой ясную целевую установку – придание ему максимальной идейной остроты. «На вещь, которую я теперь пишу в «Русский вестник», я сильно надеюсь, но не с художественной, а с тенденциозной стороны, – сообщал он Н.Н. Страхову в конце марта 1870 г., – хочется высказать несколько мыслей, хотя бы погибла при этом моя художественность». <...> пусть выйдет хоть памфлет, но я выскажусь» [2, т. 29, кн. 2, с. 111–112]. Для решения такой задачи материала тургеневского «Дыма» было уже недостаточно. Требовалось привлечение и других, появив-

шихся после него выступлений неприятеля. Достоевский, конечно, не мог пройти мимо статьи Тургенева «По поводу «Отцов и детей»», напечатанной в 1869 г., и «Воспоминаний о Белинском» («Вестник Европы», 1869, № 4). Эти тексты представляют для нас безусловный интерес.

В статье об «Отцах и детях» ее автор решительно заявил о почти полной общности собственных взглядов и идейной позиции главного героя. «За исключением воззрений Базарова на искусства – я разделяю почти всего убеждения, а меня уверяют, что я на стороне «отцов»», – писал Тургенев [8, т. 11, с. 88]. Он считал уместным сказать здесь и о своем безусловном принятии потугинского кредо в «Дыме». «Нужна свобода, полная свобода воззрений и понятий, и, наконец, нужна образованность, нужно знание! – провозглашал Тургенев. – «А! Понимаем! видим, куда вы гнете! – воскликнут здесь, пожалуй, многие. – Потугинские идеи – цивилизация<...>» Подобные восклицания не удивят меня; но и не заставят отступить ни от одной йоты» [с. 95]. Достоевский, понятно, не мог остаться безразличным к этим откровениям.

«Воспоминания о Белинском», конечно же, должны были задеть Достоевского в еще большей мере. Статья эта, по замыслу автора, выходила из границ чисто мемуарного жанра, предлагала, как он сам говорил, «несколько полезных размышлений», адресовавшихся «особенно молодому поколению» [11, т. 9, с. 197]. Представляя Белинского-западника 40-х годов, Тургенев одновременно формулировал основные постулаты западной доктрины (и опять-таки в переключке с потугинскими речами в «Дыме»). Полностью солидаризируясь со своим кумиром, он писал: «Принимать результаты западной жизни, применять их к нашей, соотносясь с особенностями породы, истории, климата, – впрочем, относиться и к ним свободно, критически – вот каким образом могли мы, по его понятию, достигнуть наконец самобытности, которую он дорожил гораздо более, чем обыкновенно предполагают. Белинский был вполне русский человек, даже патриот» [8, т. 11, с. 38]. Не будет ошибкой предположить, что Достоевским отвергалось, прежде всего, именно это утверждение – о возможности соединения западничества и русского патриотизма. Как он воспринял тургеневскую передачу той характеристики, которую давал критик его повести «Бедные люди», остается пока неизвестным.

На линии всё углублявшегося конфликта между писателями обозначилась еще одна точка. В июньском номере «Вестника Европы» за 1870 г. был напечатан очерк Тургенева «Казнь

Тропмана». Это произведение удостоилось уничтожающей профессиональной и человеческой оценки Достоевского. Она содержалась в письме Н.Н. Страхову от 11 (23) июня 1870 г. «<...> меня эта напыщенная и щепетильная статья возмутила, – говорилось здесь. – <...> главное впечатление статьи <...> – ужасная забота, до последней щепетильности, о себе, о своей целостности и своем спокойствии <...>» [2, т. 29, кн. 1, с. 127–128]. Автор очерка удостоился здесь безжалостного приговора: «Я считаю Тургенева самым исписавшимся из всех исписавшихся русских писателей <...>» [с. 129].

Вот теперь можно погрузиться в проблему восприятия автором «Бесов» тургеневского либерализма. Но не только. Роман раздвигает исследовательский горизонт. Имеется возможность проанализировать его текст и как источник для характеристики отношения Достоевского к российскому либерализму 1840 – 1860-х годов в целом.

Кармазинов в «Бесах» не стал загадкой для Тургенева – он сразу узнал в нем себя. Каждое появление этого персонажа в романе сопровождается, как правило, иронической характеристикой: «великий писатель». Особенности обрисовки этой фигуры с художественной стороны – не наша задача. Скажем только, что образ Кармазинова исполнен не только иронии – здесь неотлучно присутствуют пародийность и сарказм. Нам же предстоит сосредоточиться на том, как Достоевский с помощью «великого писателя» ведет войну против убеждений и личности его реального прототипа – Тургенева.

На всем протяжении действия в романе Кармазинов ни разу не назван либералом. Но из этого вовсе не следует, что Достоевскому не давалось определение идеологического ядра во взглядах Тургенева. Просто термин «либерализм», как свидетельствуют записи в подготовительных материалах к роману, заменялся синонимом «западничество», а оно, уже применительно к «великому писателю», трансформировалось в определение «немец». «Я сделался немцем и вменяю это себе в честь», – заявляет Кармазинов, повторяя Тургенева в известном нам объяснении его с Достоевским в 1867 г. [2, т. 10, с. 287]. «Либерализм с умилением охраняет немецкое владычество», – читаем в черновых набросках к «Бесам» [2, т. 11, с. 170]. Ну и наконец: «Наш либерал по натуре лакей: только и ищет, как бы какому немцу сапоги вычистить» [с. 280].

Достоевским выстраивалась цепочка понятий: русский либерализм – западничество – онемечение в культурном, цивилизационном отношении прежде всего. И, наконец, «лакей-

ство мысли» как свойство, пронизывающее всё и вся в либеральном дискурсе. Такое видение либерализма было благодатной почвой для сентенций о его безродности, антирусскости. Невольно вспоминается Радомский – обличитель этого идеологического зла в «Идиоте».

Итак, начиная борьбу с либерализмом, Достоевский-публицист, как мы уже знаем, имел в качестве мишени англomана Каткова. Теперь же в роли романиста ему приходилось сражаться с германофилом Тургеневым. Есть смысл напомнить то место из «Бесов», где Кармазинов посвящает читателя в свое увлечение всем немецким: «<...> сижу вот уже седьмой год в Карльсруе? – говорит он. – И когда прошлого года городским советом положено было проложить новую водосточную трубу, то я почувствовал в своем сердце, что этот карльсруйский водосточный вопрос милее и дороже для меня всех вопросов моего милого отечества... за всё время так называемых здешних реформ». Кармазинов даже помогал немцам «писать проект» этой трубы [2, т. 10, с. 249]. Эта карикатурная зарисовка выразительно говорит об отношении автора к персонажу.

Вторая важная для нас тема, которую несет в себе образ Кармазинова – отношения «великого писателя» с революционной молодежью, возможная причастность его к зарождению и распространению нигилизма в России.

В черновых набросках к роману обращает на себя внимание автохарактеристика Кармазинова: «Я нигилист» [2, т. 11, с. 127]. В окончательной редакции ее уже нет. Не исключено, что мы имеем дело только с парафразой уже известного нам тургеневского заявления о принятии им «почти всех убеждений» Базарова, прозвучавшего в статье «По поводу «Отцов и детей»». Достоевский же рисует отношения между Кармазиновым и Петром Верховенским (его прототипы С.Г. Нечаев и М.В. Петрашевский) очень далекими от идиллии.

«Хроникер»-рассказчик не раз отмечает желание Кармазинова приблизиться к Петру Верховенскому и дает ему свое объяснение. Приведем два высказывания на этот счет.

«<...> великий писатель весьма благосклонно отнесся к Петру Степановичу и тотчас пригласил его к себе. Такая поспешность такого надутого собой человека кольнула Степана Трофимовича больше всего; но я объяснил себе иначе: зазывая к себе нигилиста, господин Кармазинов, уж конечно, имел в виду сношения его с прогрессивными юношами обеих столиц. Великий писатель болезненно трепетал пред новейшею революционной молодежью и, воображая, по незнанию дела, что в руках ее ключи

русской будущности, унижительно к ним подлизывался, главное потому, что они не обращали на него никакого внимания» [2, т. 10, с. 170].

«Петр Степанович давно уже примечал, что этот тщеславный, избалованный и оскорбительно недоступный господин, этот «почти государственный ум» просто-напросто в нем заискивает, и даже с жадностью. Мне кажется, молодой человек наконец догадался, что тот если и не считал его коноводом всего тайно-революционного в целой России, то по крайней мере одним из самых посвященных в секреты русской революции и имеющим неоспоримое влияние на молодежь» [с. 284].

Ни в том, ни в другом случае нет и намека на какую-либо идейную близость или человеческие симпатии. Кармазиновым руководит честолюбивое желание во что бы то ни стало добавить своей известности в среде революционной молодежи. Однако Тургенев воспринял своего двойника в романе все же как «тайно сочувствующего нечаевской партии» (см. письмо М.А. Милютиной, 3 (15) декабря 1872 г.) [11, т. 12, с. 71].

Общим местом отечественного достоевсковедения стало утверждение о духовном (в дополнение к физическому) отцовстве С.Т. Верховенского по отношению к своему сыну и связи между идейным наследством 1840-х годов и взглядами молодых радикалов годов 60-х. Считается, что именно из «сумбура» атеизма, социализма и либерализма сороковых годов вырос позднейший нигилизм, в том числе и нечаевской формации. Но в литературе о Достоевском заявила о себе и точка зрения, согласно которой не Верховенский-старший, а Кармазинов несет на себе вину в разращении молодого поколения. Это мнение было высказано А.С. Долининым еще в 20-е годы прошлого века. «Петр Верховенский, – пишет он, – следующая стадия в развитии идей Потугина. “Наша матушка Русь православная провалиться бы могла в тартары”. Петр Верховенский должен пробовать реализовать эту идею, а Кармазинов, внутренне, до конца последовательный, духовный отец этой идеи, обязательно должен ему сочувствовать. <...> В концепции “Отцов и Детей”, так, как она дана в “Бесах”, в той духовно-генеалогической связи, которая устанавливается между поколением людей 40-х гг. и поколением 60-х – эпигонами нигилизма, Петр Верховенский духовный сын не Степана Трофимовича, а именно Кармазинова» [12].

С А.С. Долининым полемизировала Н.Ф. Буданова. По ее мнению, утверждение об идейной преемственности между Кармазиновым и Петром Верховенским, страдает односторонностью.

«Долинин выделяет лишь один из аспектов концепции поколения, а именно идейную преемственность, и забывает о другом – о трагедии взаимного непонимания» [13].

Как бы то ни было, существует, на наш взгляд, один бесспорный момент генетического в духовном смысле родства между Кармазиновым и Петром Верховенским. Его можно обозначить как признание неизбежности быстро приближающегося конца существующей России. Петр Верховенский без колебаний мог бы подписаться под обращенными ему словами Кармазинова: «Тут всё обречено и приговорено. Россия, как она есть, не имеет будущности» [2, т. 10, с. 287].

Очевидная ошибка считать, что реальный Тургенев воплощен Достоевским исключительно в образе Кармазинова. Так, в споре Степана Трофимовича Верховенского с Шатовым о Белинском, где либерал 1840-х годов создает настоящий ореол «центральной натуре» России, хорошо чувствуется присутствие реального Тургенева. В своих суждениях об общественной роли критика Верховенский определенно тяготеет к характеристике, предложенной Тургеневым в «Воспоминаниях о Белинском». А за славянофильской риторикой Шатова, ниспровергающего «неистового Виссария», легко угадывается сам автор «Бесов».

Подведем итоги.

Представленная здесь картина борьбы Достоевского с антагонистами из либерального лагеря – при всем том, что речь шла, без преувеличения, о двух его главных противниках, – еще далека от исчерпывающей полноты. И она может быть, безусловно, расширена. Что же касается двух охарактеризованных нами эпизодов противоборства Достоевского с либералами Катковым и Тургеневым, то они – даже с учетом временной паузы между ними в середине 60-х годов – выстраиваются в единую, последовательно проводившуюся линию неприятия мировоззренческих принципов и идеологии либерализма. На «катковском» этапе эта позиция реализовалась по преимуществу в публицистике, «тургеневский» период проходил уже под знаком полного главенства романного жанра («Идиот», «Бесы»).

Особенность почвеннического оппонирования Достоевского идейному противнику состояла в том, что критика была направлена против западнической ориентации либералов, прежде всего. Как объяснить доминирование этой черты? Борьба Достоевского шла в условиях уже начавшейся либеральной модернизации России. Инициатива в деле подготовки и проведения реформ 1860-х годов полностью принадлежала самодержавной власти с ее бюрократическим аппаратом. Достоевский, как известно, принял в

целом тот исторический вектор в развитии России, что задавался либеральными по сути своей преобразованиями 60-х годов. Но в то же время он субъективно, для себя ни на шаг не отступал от своей консервативно-романтической («православно-народной») утопии. Выход из этой драматической коллизии мог быть только один – решительно настаивать на корректировке наступающих изменений в русском духе, требовать от власти максимально возможного приближения их к «почве» и соответственно перевоспитывать общество. Отсюда – энергия яростной непримиримости к любым проявлениям зависимости от Запада, отхода от русского патриотизма.

У Достоевского не было сомнений в том, что именно из западничества 1840-х гг. вырос одновременно с либерализмом и русский нигилизм, а новая генерация либералов, в рядах которой находились Катков и Тургенев, продолжила неблагодарное дело вскармливания революционно-социалистического радикализма. Писатель не затруднял себя выстраиванием аргументации в пользу именно такого взгляда. Быстро повернувший вправо Катков недолго был мишенью критики Достоевского за участие в негласном либерально-нигилистическом альянсе. Нахождение Тургенева на этой же линии преследования либералов оказалось более долгим и завершилось только в период работы Достоевского над «Дневником писателя».

Можно говорить о еще одной характерной черте в противостоянии Достоевского либералам. Она проявилась в его полемической манере. Писатель ставил на первое место не обстоятельную критику их идеологии и программных требований, а низвержение стилистики представления того и другого авторитетами либерального направления. Эмоция, темперамент художника слова, как правило, брали верх над конкретикой в дискуссионном обсуждении проблем переустройства России. Читателю предла-

галось гротескное изображение отталкивающих его черт публичного поведения, характеров своих идейных противников. Он не стеснял себя в языковых средствах, рисуя их карикатурные портреты, давая им язвительные характеристики. Особенно это заметно в подготовительных материалах к романам. Достоевский-писатель часто опережал Достоевского – социального и политического мыслителя.

Список литературы

1. Китаев В.А. Русские либералы перед судом Достоевского // Вестник ННГУ. 2021. № 3. С. 25–36.
2. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972–1990.
3. Кирпотин В.Я. Избранные работы. В 3 т. Т. 2. Достоевский. М.: Худож. лит-ра, 1978. С. 325–341.
4. Китаев В.А. Русские либералы и польское восстание 1863 года // Славяноведение. 1998. № 1. С. 54–61.
5. Нечаева В.С. Журнал братьев Достоевских «Эпоха». 1864–1865. М.: Наука, 1975. С. 223.
6. Батюто А.И. Признаки великого сердца... (к истории восприятия Достоевским романа «Отцы и дети») // Русская литература. 1977. № 2. С. 21–37.
7. Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского. Т. 2. 1865–1874. СПб.: Академический проект, 1999. С. 122.
8. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. М.: Наука, 1978–2018.
9. Достоевская А.Г. Дневник 1867 года. М.: Наука, 1993 (серия «Литературные памятники»). С. 132.
10. Кирпотин В.Я. Мир Достоевского. Статьи, исследования. 2-е, доп., изд. М.: Сов. писатель, 1983. С. 113–159.
11. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма. В 18 т. М.: Наука, 1982–2018.
12. Долинин А.С. Тургенев в «Бесах» // Достоевский. Статьи и материалы / Под ред. А.С. Долинина. Сб. второй. Л., М.: Мысль, 1924. С. 119–136.
13. Буданова Н.Ф. Проблема «отцов» и «детей» в романе «Бесы» // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 1. Л.: Наука. Ленингр. отд., 1974. С. 182.

DOSTOEVSKY IN OPPOSITION TO RUSSIAN LIBERALS (1860s – early 1870s)

V.A. Kitaev

The paper is dedicated to the main thematic line in the struggle of Dostoevsky against Russian liberalism on the pages of the «Vremya» journal and the novels «Idiot» and «Demons». The author characterizes the features of logic and polemical techniques used by the writer.

Keywords: Fedor Dostoevsky, «Idiot», «Demons», Mikhail Katkov, «Russky Vestnik», Ivan Turgenev, Liberalism, Westernism.

References

1. Kitaev V.A. Russian liberals before Dostoevsky's trial // *Bulletin of the National University of Economics*. 2021. № 3. P. 25–36.
2. Dostoevsky F.M. Complete collection of works: In 30 vol. L.: Science. Leningr. department, 1972–1990.
3. Kirpotin V.Ya. Selected works. In 3 v. V. 2. Dostoevsky. M.: Artistic literature, 1978. P. 325–341.
4. Kitaev V.A. Russian liberals and the Polish uprising of 1863 // *Slavonic Studies*. 1998. № 1. P. 54–61.
5. Nechaeva V.S. The magazine of the Dostoevsky brothers «Epoch». 1864–1865. M.: Science, 1975. P. 223.
6. Batyuto A.I. Signs of a great heart ... (to the history of Dostoevsky's perception of the novel «Fathers and Children») // *Russian Literature*. 1977. № 2. P. 21–37.
7. Chronicle of the life and work of F.M. Dostoevsky. Vol. 2. 1865–1874. St. Petersburg: Academic Project, 1999. P. 122.
8. Turgenev I.S. Complete works and letters: In 30 volumes. M.: Science, 1978–2018.
9. Dostoevskaya A.G. Diary of 1867. M.: Science, 1993 (series «Literary monuments»). P. 132.
10. Kirpotin V.Ya. Dostoevsky's World. Articles, research. 2nd, supplement, ed. M.: Soviet Writer, 1983. P. 113–159.
11. Turgenev I.S. Complete works and letters: In 30 vols. Letters. In 18 vol. M.: Science, 1982–2018.
12. Dolinin A.S. Turgenev in «Demons» // Dostoevsky. Articles and materials / Edited by A.S. Dolinin. Sb. second. L., M.: Thought, 1924. P. 119–136.
13. Budanova N.F. The problem of «fathers» and «children» in the novel «Demons» // Dostoevsky. Materials and research. Vol. 1. L.: Science. Leningr. ed., 1974. P. 182.